

Глава 3. ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ РЕГИОНОВ В МИРОВОЙ СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕФТЬЮ И ГАЗОМ: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ КРИЗИСНО-КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ

1. Глобальная панорама нефтяной взаимозависимости

К концу XX века сложилась относительно устойчивая глобальная система взаимосвязей между поставщиками и потребителями нефти. Она радикально отличается от системы, существовавшей до начала 70-х годов, которую полностью контролировал международный нефтяной картель.

Немонополизированная часть рынка нефти составляла лишь 3 — 5% всей международной торговли нефтью. Образование ОПЕК и дальнейшая цепь событий, в основном политического характера привели к дестабилизации и радикальному изменению прежней системы нефтеобеспечения, появились новые формы более свободной торговли нефтью, произошло сокращение операций на базе регулярных контрактов и резко возрос объем торговли на базе цен разовых сделок (до 40 — 50% международной торговли нефтью). Все эти процессы привели к образованию качественно нового мирового рынка нефти, на котором появилась возможность соперничества интересов большого числа новых «действующих лиц», имеющих различные цели и разные возможности манипулирования этим рынком. Главными из них в этом глобальном противостоянии интересов являются две группировки стран: экспортеры и импортеры нефти. Основная цель импортеров состоит в том, чтобы обеспечить себе бесперебойные поставки нефти по возможно более низким ценам, цель экспортеров — максимизация долгосрочных доходов от продажи нефти. Среди тех и других существуют устойчивые объединения стран, созданные для выработки совместных стратегий противостояния в борьбе за контроль над рынком. Основными из них являются МЭА (Мировое энергетическое агентство, в которое входят промышленно развитые страны ОЭСР) и ОПЕК. В еще большей степени усложняет эту мировую систему нефтеобеспечения наличие в ней наследников международного нефтяного картеля — шести главных нефтяных ТНК.

Таким образом, нефтяные взаимосвязи не ограничиваются просто потоками нефти в одну сторону и материально-финансовыми потоками в другую. Эти связи, порождаемые нефтяными интересами, имеют существенно большее число измерений и проявляются на различных уровнях.

Исторически и географически сложилось так, что в данный исторический период основные источники нефти сосредоточены в развивающихся странах, а основные ее потребители относятся к группе промышленно развитых стран. Структура и механизмы в мировой системе разделения труда накладывают определенную специфику на эти отношения между промышленно развитыми потребителями и развивающимися поставщиками нефти. Основной механизм здесь таков: нефтедоллары, получаемые поставщиками, рециклируются обратно в экономику промышленно развитых стран. Часто бывает так, что страны-поставщики, не имея достаточно развитых самовоспроизводящих экономических структур, принимают амбициозные и расточительные программы развития, которые довольно быстро превращаются в разорительные. С другой стороны, промышленно развитые страны, контролируя производство товаров высокой технологии, выстраивают такую цепь экономических отношений, при которой затраты на энергоресурсы присутствуют в ценах на конечную продукцию и услуги.

Закономерности научно-технического прогресса в сочетании с исторически сложившейся структурой взаимосвязей промышленно развитых и развивающихся стран обусловили формирование такой современной структуры мирового хозяйства, существенным свойством которой является расслоение воспроизводственной структуры по типам хозяйственной деятельности и специализации. Это расслоение состоит в преимущественном развитии в одних странах (главным образом менее развитых технически) отраслей традиционно сырьевых, в другой группе стран — отраслей по производству первичных материалов, в третьей — по производству продукции обрабатывающей промышленности и т.д. Причем на самом высоком уровне воспроизводственной структуры мирового хозяйства находятся страны, сконцентрировавшие у себя создание принципиально новых технологий и производство наиболее наукоемкой продукции. Такое сосредоточение НТП на более высоких уровнях воспроизводственной структуры обеспечивает возможность извлечения наиболее высоких прибылей. При этом в долгосрочном плане происходит ухудшение условий внешнеэкономического обмена для стран, ориентированных в основном на экспорт сырья, вследствие опережающего роста реальных цен на технологии, ноу-хау и невозпроизводимые

ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ РЕГИОНОВ В МИРОВОЙ СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕФТЬЮ И ГАЗОМ: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ КРИЗИСНО-КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ

для большинства импортеров инвестиционные товары.

Анализ проблемы соотношения цен на сырье и конечную (особенно наукоемкую) продукцию, который обычно присутствует в дискуссиях по поводу отношений Север — Юг, часто сводят к требованиям установить справедливое соотношение между этими ценами. Дело, однако, в том, что эта кажущаяся несправедливость в соотношениях цен является как бы платой за независимость, суверенитет и претензии на проведение широких программ развития стран — экспортеров сырья. Развивающаяся страна, став независимой и создав свой государственный аппарат, руководящую элиту, армию и т.д., вынуждена изыскивать средства, чтобы все это содержать. Страна экспортирует то, что может, в том числе нефть, по ценам мирового рынка. Однако мировой рынок нефти и нефтепродуктов создавался десятилетиями, встраиваясь в уже ранее созданную (в течение столетий) систему рынков сырья и конечной продукции, производимой промышленно развитыми странами. Сложившееся в течение продолжительного времени соотношение цен — это некий генетический код современной мировой экономики, и изменить его можно лишь в рамках совершенно иных экономических отношений, что, конечно, может произойти, но только в ходе длительного эволюционного развития мирового сообщества.

Поэтому проблема огромных задолженостей* некоторых экспортеров нефти не может быть сведена только к категориям справедливости международных экономических отношений. Прежде всего следует искать финансовые бреши в функционировании государственных систем стран-должников.

Важная специфика нефтяных связей состоит в стремлении основных потребителей диверсифицировать источники поставок нефти. Это продиктовано тем, чтобы в случае внезапного нарушения ритма поставок не зависеть полностью от одного их источника. Так, США 32,5% всего импорта получают из Латинской Америки, 25,4 — с Ближнего Востока, 14,5 — из Западной Африки, 11,6 — из Канады, 6,7 — из Западной Европы и 3,9 — из Северной Африки. Западная Европа 41,3% нефти закупает на Ближнем Востоке, 21,2 — в Северной Африке, 19,7 — в России, 8,9 — в Западной Африке и 5,8% — в Латинской Америке. Япония закупает 67,6% нефти в странах Ближнего Востока, 18,9 — в Азиатско-тихоокеанском регионе и 6,3% — в Китае.

В то же время существует и определенная региональная специфика нефтяных поставок. Так, 44,1% своего импорта США получают из

близлежащих стран Северной и Латинской Америки. 82,2% импорта Западной Европы приходится на Ближний Восток, Северную Африку и Россию. Япония, учитывая относительную бедность Азиатско-тихоокеанского региона ресурсами нефти, все-таки зависит от него на 25,2%.

Вполне реальные возможности формирования региональных подсистем нефтеобеспечения серьезно рассматриваются экспертами как вероятные предпосылки зарождения таких относительно автономных региональных структур в том случае, если развитие мирового сообщества пойдет в будущем по «меркантилистско-протекционистскому» сценарию. В условиях этого сценария мировая экономика теряет устойчивость своего развития вследствие противоречий между развитыми и развивающимися странами, преобладает протекционизм региональных торговых зон, таких, как Северная Америка, Мексика, Венесуэла и др., Западная Европа, Северная Африка и др., Япония и Азиатско-тихоокеанский регион и т.д.

Исследование проблем обеспеченности мирового сообщества нефтью не будет достаточно полным, если не рассмотреть возникающие в этой сфере ситуации международной напряженности.

Более чем полувековое соперничество за контроль главных мировых источников нефти предопределяло в прошлом кризисно-конфликтные ситуации в различных регионах мира. Конфликты, составлявшие первую фазу этого соперничества, завершились к середине нынешнего века операцией по дестабилизации Ирана (в период правления правительства Мосаддыка). Итогом этой фазы соперничества явилось формирование относительно устойчивой мировой системы нефтеобеспечения, контролируемой главными нефтяными ТНК.

Однако в дальнейшем рост политической независимости арабских стран — экспортеров нефти привел к образованию ОПЕК. Постепенный рост активности членов этого нефтяного картеля, а также соответствующие акции противодействия со стороны главных нефтяных ТНК, поддерживаемых правительствами стран их базирования, привели к мировому энергетическому кризису 1973 г. и новой фазе дестабилизации мировой системы нефтеобеспечения, которая завершилась лишь в 1991 г. вместе с поражением Ирака в его агрессии против Кувейта.

Для выяснения сути механизмов эскалации вероятных в будущем кризисно-конфликтных ситуаций в сфере нефтеобеспечения** целесообразно рассмотреть более детально самый вероятный их источник — регион Ближнего Востока.

* К 1990 г., по данным Мирового банка, некоторые крупнейшие экспортеры нефти имели задолженности /млрд. долл./: Алжир — 25, Нигерия — 31, Венесуэла — 35, Индонезия — 53, Ирак — 60, Мексика — 102.

** Кризисно-конфликтные ситуации в сфере обеспечения природным газом рассмотрены в разделе 2.

**ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ РЕГИОНОВ
В МИРОВОЙ СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕФТЬЮ И ГАЗОМ:
НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ КРИЗИСНО-КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ**

**2. Ближневосточный регион
в мировом
нефтеобеспечении**

Особая роль региона БВ как главного поставщика нефти в мире обусловлена тем, что в недрах стран этого региона, большей частью расположенных на побережьях Персидского залива, сосредоточено около 2/3 мировых запасов. На конец 1990 г. эта доля составляла 65,6% и на сегодняшний день изменилась незначительно. Более того, если учесть относительную скорость убывания вследствие эксплуатации доказанных запасов нефти по различным регионам мира, т.е. их кратность (отношение запасов на конец года к уровню добычи этого года), то контраст окажется еще более разительным: Западная Европа — 9,6, Северная Америка — 10,4, Россия и страны Восточной Европы — 13,7, Африка — 26,5, Латинская Америка — 45,7, страны ОПЕК — 87,2, мир в целом — 43,4,

Ближний Восток — более 100. Хотя оценки общемировых запасов нефти после 1975 г. оставались примерно постоянными (исключая скачки 1987 и 1989 гг., которые также относятся в основном к странам Ближнего Востока), в будущем возможны их корректировки в сторону увеличения. Однако здесь следует учесть, что в период структурных изменений в энергетике (с начала 70-х годов) большее внимание уделялось геологическому исследованию регионов вне БВ, запасы которого, как полагают эксперты Центра глобальных энергетических исследований (CGES), занижались в свое время по политическим и другим мотивам, а дальнейшая их переоценка в сторону уточнения не вызывалась необходимостью. Поэтому нет серьезных оснований ожидать в будущем существенных перемен в нынешней оценке основных соотношений в уровнях запасов по главным регионам нефтедобычи и особенно по Ближнему Востоку.

Таблица 9

МЕСТО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В МИРОВОЙ СИСТЕМЕ НЕФТЕОБЕСПЕЧЕНИЯ

Регионы (1990г.)	Добыча сырой нефти, млн. бар. в день	%	Доказанные запасы млрд. бар. в день	%
Мир ¹	145,7	100	915,6	100
ОПЕК	32,0	50,3	773,8	84,5
Ближний Восток	16,6	36,3	662,6	72,4
Основные производители региона ²	14,9	32,6	648,0	70,8
Саудовская Аравия	6,4	14,0	257,5	28,1

¹ Мир — исключая бывшие соцстраны и СССР.

² Основные производители Залива — Иран, Ирак, Кувейт, Саудовская Аравия, ОАЭ.

Расчеты многих экспертов, основанные на учете сложившихся тенденций в сфере производства, потребления, экспорта и импорта нефтяных ресурсов, приводят к выводу о том, что импортная зависимость основных потребителей в обозримом будущем будет возрастать. При этом основная доля возможного прироста

величины спроса будет удовлетворяться за счет роста производства в странах ОПЕК, где основными резервными мощностями обладают производители Ближнего Востока.

Так, по прогнозам CGES, в США вероятна следующая тенденция для импортной зависимости.

Таблица 10

**ПРОГНОЗ ПОТРЕБЛЕНИЯ И ИМПОРТА НЕФТИ В США
(млн.бар. в день)**

Годы	Потребление	Импорт	% потребления
1989	17,04	7,78	46
1990	17,39	8,33	48
1991	17,75	8,92	50
1992	18,03	9,52	53
1993	18,26	10,07	55
1994	18,44	10,51	57

Если рассмотреть изменения структуры импорта США, то за период между 1985 и 1989 гг. 79% прироста импорта были удовлетворены за счет ОПЕК, а почти половина этого импорта из ОПЕК была удовлетворена за счет нефти из Саудовской Аравии. С другой сторо-

ны, 63% прироста производства нефти в Саудовской Аравии можно коррелировать с ростом импорта в США именно из этой страны.

Примерно за то же время (1984 — 1990 гг.) импорт Японии из Ближнего Востока возрос с 65 до 68%, а Западной Европы — с 36

ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ РЕГИОНОВ В МИРОВОЙ СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕФТЬЮ И ГАЗОМ: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ КРИЗИСНО-КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ

до 41%. Если в ближайшие 10 — 20 лет не произойдет каких-либо революционных изменений в мировой энергетике, то тенденции к росту зависимости основных потребителей от нефти Ближнего Востока в этот период также не претерпят существенных корректировок в сторону их снижения. Такое положение обостряется равномерностью наличия и роста в будущем стратегических интересов промышленно развитых стран в этом регионе. Более того, от ситуации в этом регионе существенно зависит стабильность всего мирового сообщества в будущем.

Только после второй мировой войны в этом регионе имели место следующие крупномасштабные конфликтные ситуации (CGES).

Пять арабо-израильских войн (1948, 1956, 1967, 1973, 1982).

Гражданские войны в Йемене, Омане, Иордании и дважды в Ливане.

Революции в Египте (1952), Ираке (1958) и Иране (1978).

Захват Большого Храма в Мекке (1979).

Ирано-иракская война (1980 — 1988).

Палестинская интифада.

Вторжение в Кувейт (1990).

Война в Персидском заливе (1991).

Многие из этих кризисно-конфликтных ситуаций носили чрезвычайно острый характер, в условиях «холодной войны» они могли привести (и однажды уже почти привели) к глобальному столкновению. Война в Персидском заливе в 1991 г. была наиболее масштабным военным конфликтом после второй мировой войны.

Сочетание глобальных нефтяных интересов и высокий кризисно-конфликтный потенциал, которые одновременно сконцентрировались в регионе БВ, требуют пристального внимания к анализу вероятных будущих тенденций в мировом нефтеобеспечении с учетом региональных геополитических факторов.

В свою очередь ближневосточный регион также неоднороден по своей «нефтяной значимости» для мировой системы нефтеобеспечения. Ключевую роль занимает здесь Саудовская Аравия — крупнейший в мире экспортер нефти, добывающая более трети всей нефти ОПЕК и около половины ближневосточной.

Серьезное воздействие на нефтяную политику Саудовской Аравии и других аравийских государств оказывают их тесные экономические, политические и военно-стратегические связи с Западом, значение которых особенно возросло в результате войны в Персидском заливе.

Конфликт наглядно продемонстрировал правящим в этих странах режимам, во-первых, их собственную уязвимость в крайне нестабильном регионе, во-вторых, то, что пока единственным реальным гарантом их безопасности является Запад и в первую очередь США, поскольку позиция «братских» арабских государств по отношению к иракской агрессии оказалась противоречивой, а роль СССР и его правопреемницы России на Ближ-

нем Востоке неизбежно снижается. В итоге следствием конфликта стала еще более тесная ориентация аравийских «нефтяных» монархий на стратегическое партнерство с Западом, главной несущей конструкцией которого является ось Эр-Рияд — Вашингтон.

Свидетельством новых отношений является подписание Саудовской Аравией и Кувейтом ряда соглашений в оборонной области с США и со странами Западной Европы, резкое увеличение закупок современных вооружений, расширение участия западных фирм в строительстве промышленных и иных объектов на территории этих стран и в восстановлении кувейтской экономики. В обмен на военную поддержку США страны Аравийского полуострова в еще большей степени готовы играть роль гаранта энергетической безопасности Запада и в особенности США. По сообщениям мировой печати (хотя и опровергаемым официальным Эр-Риядом), Саудовская Аравия подписала с США секретное соглашение о долгосрочных поставках нефти на льготных условиях, а также обязалась поддерживать низкий уровень мировых цен на жидкое топливо (согласно одной из версий, последнее обязательство должно способствовать выходу американской экономики из спада и помочь президенту Бушу быть переизбранным на второй срок).

Разрабатываются также различные схемы снабжения нефтью на случай чрезвычайных обстоятельств. Сообщалось, в частности, что Саудовская Аравия будет размещать часть экспортируемой нефти в хранилищах, предназначенных для американских стратегических запасов. Это даст ей дополнительные возможности хранения жидкого топлива вблизи рынков сбыта с правом извлекать в случае необходимости нефть для продажи; США же смогут увеличить свои стратегические запасы.

Некоторые эксперты приходят к выводу, что в период после войны в Заливе Саудовская Аравия более активно, чем когда-либо прежде, старается поддерживать низкие цены на нефть. Тем не менее существует ряд причин, по которым эта страна не заинтересована в слишком значительном их падении.

Во-первых, такое падение привело бы к сокращению валютных доходов Саудовской Аравии, в то время как она испытывает в последние годы определенные финансовые трудности, выражающиеся в хроническом дефиците госбюджета и нехватке средств для инвестиций.

Во-вторых, слишком низкий уровень цен на жидкое топливо в конечном итоге невыгоден и для западных партнеров Саудовской Аравии, поскольку стимулирует рост их зависимости от импорта. Особое значение данный фактор имеет для США, где из-за высоких издержек нефтяная промышленность при низких ценах может оказаться в острейшем кризисе. Так, в конце 1985 г., когда на мировом рынке произошло обвальное падение цен на нефть, Дж. Буш в ранге вице-президента США посетил короля Саудовской Аравии Фахда и

ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ РЕГИОНОВ В МИРОВОЙ СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕФТЬЮ И ГАЗОМ: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ КРИЗИСНО-КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ

изложил ему просьбу американских нефтяных корпораций сократить уровень добычи и способствовать тем самым улучшению конъюнктуры нефтяного рынка.

В-третьих, претендуя на роль лидера ОПЕК, Саудовская Аравия не может не считаться с интересами остальных членов этой организации, которые в результате снижения цен несут значительные финансовые потери, сопровождающиеся обострением социально-экономических и внутривластных проблем. Она вынуждена также считаться с интересами арабских нефтеэкспортеров, не входящих в ОПЕК (Египет, Оман, Тунис, Сирия, Йемен).

В-четвертых, несмотря на американскую военную поддержку, Саудовская Аравия не может полностью игнорировать возможную угрозу со стороны Ирака или Ирана. Известно, что одним из поводов вторжения иракских войск в Кувейт были обвинения последнего в превышении квоты добычи нефти, установленной ОПЕК, что, по мнению режима Хусейна, способствовало понижению цен на мировом рынке и подрыву тем самым экономики Ирака.

Наконец, в-пятых, проводя однозначно ценопонижительную политику на нефтяном рынке, правящие круги аравийских монархий рискуют показаться слишком прозападными в глазах местных и региональных фундаменталистов.

Все эти факторы заставляют Саудовскую Аравию и ее союзников в ОПЕК проводить достаточно сбалансированную нефтяную политику, не допуская, с одной стороны, значительных скачков цен и каких-либо действий, способных серьезно нарушить поставки нефти из района Персидского залива, а с другой, — резкого падения цен. В итоге, как полагают многие специалисты, саудовское руководство считает приемлемым уровень цен на нефть в пределах от 15 до 25 долл. за баррель.

Судя по всему в фарватере нефтяной политики Саудовской Аравии будут следовать также Кувейт и ОАЭ.

Два других крупных производителя нефти из Персидского залива — Иран и Ирак — принадлежат к радикальной группировке в ОПЕК (вместе с Ливией и Алжиром), которая, как правило, выступает за установление цен на возможно более высоком уровне. Лишь в течение короткого периода во время ирано-иракской войны Ирак поддерживал в ОПЕК Саудовскую Аравию и Кувейт, которые тогда оказывали ему значительную финансовую поддержку.

В целом поведение Ирана и особенно Ирака на нефтяном рынке остается труднопредсказуемым, тем более что оно во многом определяется политическими факторами, противостоятелем с Западом и с умеренными нефтеэкспортирующими странами. Однако, если исходить из чисто экономических факторов, можно предположить, что и Ирак, и Иран, обладающие крупными запасами угле-

водородов, так же как и Саудовская Аравия, должны быть заинтересованы в поддержании достаточно высокого спроса, а стало быть, и умеренных цен на нефть. В особенности это относится к Ираку, где в 80-е годы были обнаружены крупные месторождения нефти, что позволило этой стране выйти на второе место в мире по уровню доказанных запасов и к концу текущего десятилетия Ирак мог бы обеспечить уровень добычи в 6 млн. барр. в сутки (300 млн. т в год). В такой ситуации, как нам представляется, разногласия между этими странами, с одной стороны, и Саудовской Аравией — с другой, в вопросе об уровне цен на нефть в перспективе, хотя и сохраняются, вряд ли будут слишком острыми. В то же время, до тех пор пока мировой спрос на нефть не превысит предложения, между крупными производителями возможна острая конкуренция за рынки сбыта. Очевидно также, что между Саудовской Аравией и Ираном, а в перспективе, возможно, и Ираком будет продолжаться борьба за лидерство в Персидском заливе и исламском мире в целом, причем в поле этой борьбы, вероятно, попадут и мусульманские республики бывшего СССР.

В наиболее пессимистических прогнозах будущего нефтеобеспечения и в связи с этим ситуации на Ближнем Востоке предполагаются сценарии прихода к власти в какой-либо из аравийских монархий (даже в Саудовской Аравии) тех или иных радикально-националистических или фундаменталистских сил.

Однако многие эксперты все же полагают, что экспорт нефти в настоящее время для большинства стран и режимов региона не просто один из источников существования, но источник главный и практически единственный. Более того, нефтедобывающие страны Ближнего Востока будут жить за счет нефти и продавать ее при любом режиме. Если представить гипотетически, что в обозримом будущем к власти в Саудовской Аравии, например, придут движения местных коммунистов или братьев-мусульман, экспорт нефти все равно будет продолжаться. Пример режима Хомейни достаточно показателен — при всем его антиимпериализме он ни при каких условиях не мог бы прекратить поставки нефти странам, покупающим ее за твердую валюту, просто потому, что не было другого источника существования государства. Сорок лет тому назад премьер-министр Ирана Мосаддык провозгласил лозунг «Экономика без нефти». Из этого, естественно, ничего не вышло.

Даже Ирак, страна с наиболее развитой и диверсифицированной промышленностью из всех нефтедобывающих стран региона, не может нормально жить и развиваться, не вывозя нефть. Поэтому связывать судьбу ближневосточной нефти, а точнее — ее поставок на мировой рынок, с характером правящих режимов было бы беспочвенно. Левые или правые будут стоять у руля — безразлично. Да и сами эти понятия — левые и правые — сейчас уже не так важны, как прежде, поскольку

ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ РЕГИОНОВ В МИРОВОЙ СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕФТЬЮ И ГАЗОМ: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ КРИЗИСНО-КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ

идеология традиционного социально-классового типа все меньше привлекательна в регионе. Здесь растет влияние идеологии, основанной на национализме, этнической самобытности, религиозных началах.

Недовольство и возмущение социальной несправедливостью, дифференциацией в уровне доходов и в уровне жизни в широких массах региона существует и растет, но местные лидеры направляют его «не столько против местных эксплуататоров», как этого требовало учение о классовой борьбе как движущей силе развития, сколько против «чужих», как источника всех бед. Этими «чужими» являются, во-первых, богатые индустриально развитые страны Запада (или «Севера», что одно и то же), и, во-вторых, соседи, особенно «инородцы» и «иноверцы». Рост националистических, этнокоммуналистских настроений сейчас повсеместное явление в мире. Людей уже трудно увлечь идеями социализма или фашизма в прямом смысле слова, но они более чем когда-либо восприимчивы к этническим, религиозным, кастовым, клановым проблемам. Многие эксперты полагают, что будущий век будет по преимуществу веком национальных конфликтов.

В этом плане до войны в Заливе Ближний Восток представлялся достаточно благополучным регионом: подавляющее большинство его жителей — арабы, и, если не считать войн с Израилем и Ираном, у них не было столкновений с соседями после второй мировой войны. Но это лишь видимость, на самом же деле Ближний Восток буквально заряжен и переполнен конфликтностью различного рода, в основном между разными социо-этническими группами и религиозно-политическими течениями (сунниты — шииты — алавиты и т.д., палестинцы — ливанцы, палестинцы — палестинцы, светские власти — исламские фундаменталисты, арабы — курды и пр.). Подлинной стабильности, а тем более гармоничного сосуществования различных сообществ нет ни в одной стране региона. Даже, казалось бы, однородный шиитский Иран имеет внутри себя «бомбу замедленного действия» — проблему иранских азербайджанцев, которая пока что не влияет существенным образом на ситуацию в стране, но при определенных обстоятельствах может взорваться (не говоря уже о том, что в Иране, помимо этого, имеются проблемы курдов, белуджей и арабов Хузестана).

Тем удивительнее тот факт, что, несмотря на обилие конфликтов, переворотов, политических беспорядков, ни одно государство региона в послевоенный период не исчезло с карты мира, более того — все они существуют в тех границах, которые были установлены после ухода западных колонизаторов. Меняются режимы, но государства остаются, и государственный национализм оказывается сильнее центробежных течений.

Искусственные границы, произвольно выкроенные в свое время колонизаторами, оказались на удивление прочными. Локальный

патриотизм преодолел как сепаратистские центробежные движения, так и тягу к объединению, к созданию «сверхгосударств» на базе «единой арабской нации». Идея арабского единства в государственном понимании не состоялась и теперь уже вряд ли претворится в жизнь, «мини-национальные государства» консолидировались. Житель Ирака ощущает себя прежде всего иракцем, Иордании — иорданцем и т.д., а затем уже арабом. Как араб, он предстает лишь перед лицом внешнего мира, врага или просто чужака.

Поразительная устойчивость арабского мира была продемонстрирована в недавней войне в Заливе. Вопреки прогнозам, все остались на своих местах, включая явно проигравших — Саддама Хусейна и Арафата. Не было никаких восстаний и катаклизмов ни в Иордании, ни в Саудовской Аравии. Прежний режим вернулся в освобожденный Кувейт.

Тем не менее вовсе не обязательно, что все будет так и в будущем. Потрясения, способные повлиять на нефтяную ситуацию, вполне могут произойти. В принципе не исключена война между Израилем и Сирией, в которую могут оказаться втянутыми другие арабские страны. Саддамовский Ирак, хотя и потерял на обозримый период возможность создать оружие массового уничтожения, остается источником напряженности в регионе. Пользуясь ослаблением Ирака, стремительно вырастает в региональный центр силы Иран, главный соперник Саудовской Аравии. Но, с другой стороны, США, единственная в мире сверхдержава, твердо намерены сохранить статус-кво в Заливе, и любая угроза Саудовской Аравии маловероятна. Американцы защитят главную страну ОПЕК. Не приходится ожидать в обозримом будущем и краха правящих систем в монархиях Залива в результате внутренних потрясений. Монархические режимы чувствуют себя достаточно прочными на фоне формирования «исламского» капитализма — пусть не западного типа, но достаточно жизнеспособного.

Распад СССР и исход войны в Персидском заливе качественно изменили ситуацию на Ближнем Востоке. В период «холодной войны» глобальное противостояние между двумя блоками создавало достаточно весомые возможности для быстрой глобализации любого серьезного обострения ситуации в регионе. Теперь возможности такой глобализации резко снизились. На первый план выдвигается соперничество региональных держав: Ирана, Ирака, Саудовской Аравии. Существующие между ними противоречия геополитического характера и поражение Ирака в последней войне свидетельствуют в пользу того, что в обозримый период невозможна гегемония одной из этих стран с применением военной силы. Более вероятно постепенное политическое соперничество в стремлении консолидировать и укрепить собственные зоны влияния. Равновесие такого рода могло бы быть подорвано в том случае, если бы в Иране или Ираке экстреми-

ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ РЕГИОНОВ В МИРОВОЙ СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕФТЬЮ И ГАЗОМ: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ КРИЗИСНО-КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ

стские силы опять выдвинулись на первый план и получили бы в свое распоряжение хотя бы тактическое ядерное оружие. Однако США вместе с союзниками и ООН в целом усилили меры по контролю, и теперь вероятность неблагоприятного хода событий зависит от успеха этих мер.

Хотя возможность военных действий в Заливе не может быть исключена полностью (например, возможны жесткие санкции США против Ирака, если последним будут сорваны меры по контролю за нераспространением ядерного и химического оружия), однако эти действия будут теперь иметь региональные масштабы и не могут критически затронуть систему мирового нефтеобеспечения. Как показал опыт войны в Заливе, последствия регионального конфликта для этой системы вполне могут быть преодолены усилиями даже одной лишь ОПЕК.

Не исключены также возможные революционные изменения в любой из этих ключевых стран региона с временным прекращением поставок нефти в результате диверсий в нефтедобывающем комплексе или трубопроводных системах. Наиболее серьезные последствия для мирового нефтеобеспечения возможны, если такого рода события произойдут в Саудовской Аравии, производящей 27% всей нефти ОПЕК. Диалектика ситуации состоит в том, что США, имея глубокие нефтяные интересы в королевстве, ради стабильности вынуждены поддерживать существующий режим и именно его, несмотря на возможное динамическое развитие и разрешение вполне вероятных противоречий между королевской семьей и различными социально-политическими группировками в стране, в арабском мире или исламской общине.

Следует подчеркнуть в этой связи, что политика США в регионе весьма сложна, многопланова и нередко даже противоречива. Эта политика опирается одновременно на две опоры в регионе — Саудовскую Аравию и Израиль. Не лишне вспомнить также, что ранее была еще одна опора — Иран. Некоторые эксперты делают, например, вывод о том, что США и Саудовская Аравия, будучи жизненно заинтересованными в том, чтобы не допустить перепроизводства нефти и падения цены ниже 18 — 20 долл. за баррель, не стремятся содействовать быстрому восстановлению добычи и экспорта из Кувейта и Ирака. Их интересам соответствует сохранение международного (санкции ООН), а фактически американского контроля над Ираком и его экспортом нефти. Поэтому США не стремятся ликвидировать режим Саддама Хусейна, а хотели бы, напротив, сохранить его в положении постоянного виноватого и будут находить для этого все новые и новые поводы, тем более что в них нет недостатка.

В любом случае достаточно серьезное нарушение нефтяного комплекса в Саудовской Аравии, способное на какое-то время (до нескольких месяцев) прервать поставки из стра-

ны, возможно только как результат преднамеренных действий политических или религиозных экстремистов, а экстремизм такого рода всегда трудно прогнозируем. Ситуация сложна еще тем, что особое положение Саудовского королевства в исламском мире не даст пока шансов создать международную систему контроля за безопасным состоянием нефтяного комплекса вне зависимости от социально-политических потрясений в стране. Некоторые эксперты доказывают целесообразность международного согласования такой системы контроля.

Важное отличие нынешней ситуации от ситуации 70-х и 80-х годов состоит в том, что современная система мирового нефтеобеспечения способна выдержать серьезные нарушения поставок нефти ее главным потребителям благодаря накопленным повсеместно в мире запасам на случай таких нарушений (общемировые запасы оцениваются на уровне примерно трехмесячного потребления).

* * *

Факт войны в Персидском заливе убедительно доказывает, что развитие событий вблизи сферы большой нефти не всегда подчиняется логике возможного и невозможного с позиции традиционного экономического и политологического анализа. К тому же в истории цивилизации уже случалось, что некоторые вожди и массы в очень короткий период времени проникались тоталитарными и алогичными с точки зрения мирового сообщества идеями относительно переустройства существующего мирового порядка. Со временем (через 2 — 3 десятилетия) идеи такого плана в регионе Ближнего Востока могут быть существенного «усилены» доводами об уникальности и скором истощении нефтяных ресурсов его основных продуцентов. В такой ситуации вполне вероятны новые конфликты масштаба последней войны в Заливе.

Если роль нефти как реальной причины конфликтов как будто бы существенно снизилась, то она по-прежнему остается значимой в качестве орудия конфликта. Причем здесь ее роль многообразна и зависит от конкретных участников и специфики конфликта. Наиболее очевидна она в случае «нефтяного шантажа», когда экспортеры нефти для достижения своих целей в конфликте объявляют эмбарго ее потребителям. Однако, как показывает опыт, такой прием может быть эффективным только в качестве краткосрочной меры. С одной стороны, потребитель предпринимает комплекс мер для возобновления нефтеснабжения: находит новых поставщиков, мобилизует собственные ресурсы, активизирует нефтесберегающую политику, образует стратегические запасы. С другой стороны, современные экспортеры нефти настолько сильно зависят от выручки от продажи нефти, что не могут себе позволить долго воздерживаться от ее реализации.

**ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ РЕГИОНОВ
В МИРОВОЙ СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕФТЬЮ И ГАЗОМ:
НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ КРИЗИСНО-КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ**

Тем не менее нефть продолжает оставаться «болевой» точкой в некоторых вооруженных конфликтах, вызванных разными причинами, иногда превращаясь в одну из главных целей вооруженных операций. Еще не разрешен конфликт между Грецией и Турцией из-за использования континентального шельфа греческих островов в Эгейском море. Районом международных конфликтов, в которых существенную роль может иметь нефть, является и шельф Парасельских островов в Юго-Восточной Азии, где сталкиваются интересы многих государств этого региона. Возможны рецидивы

и таких нефтяных конфликтов, в которых на контроль нефтяных ресурсов претендуют сепаратистские движения отдельных этнических групп. Такие конфликты характерны для развивающихся стран. В целом же конфликты, связанные с борьбой за контроль над источниками нефти, перешли преимущественно на внутрорегиональный и внутристрановой уровень. Они сохраняют актуальность в районах с недостаточно четко установленной юрисдикцией и со сложными межэтническими проблемами.

Глава 4. МЕСТО РОССИИ В МИРОВОЙ СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕФТЬЮ И ГАЗОМ

Оценивая Россию как элемент мировой системы обеспечения нефтью и газом, следует исходить как из ее ресурсных возможностей, так и из ее текущего экономического положения и возможного развития происходящих в ней реформ.

По разведанным запасам нефти (табл. 11, 12) Россия занимает второе место в мире вслед за Саудовской Аравией. Согласно данным бывшего министра нефтяной и газовой промышленности СССР Л.Д. Чурилова («Нефтяное хозяйство», № 9, 1991 г.), запасы бывшего СССР на тот период составляли 23,5 млрд. т. Из них запасы России составляли соответственно 20,2 млрд. т. Следует, однако, иметь в виду, что эти запасы неравноценны по качеству. Так, в целом по России доля запасов с совокупными затратами на освоение свыше 100 руб./тонна (в ценах 1990 г.) составляет 15%. Интересно, что эта доля резко возрастает среди месторождений, открытых в 1986 — 1990 гг., т.е. тех месторождений, которые будут играть основную роль в структуре добычи нефти после 1995 г.

Если учесть низкую степень подтверждаемости прогнозных запасов и еще большую долю месторождений с высокими издержками освоения среди них, то будущую обеспеченность России нефтяными ресурсами нельзя назвать безоблачной. Даже в Западной Сибири, где предполагается основной прирост запасов, около 40% этого прироста будет приходиться на долю низкопродуктивных месторождений с дебитом новых скважин менее 10 т/сутки, что в настоящее время является пределом рентабельности для данного региона.

Глубокий экономический кризис, охвативший Россию, не обошел и отрасли топливно-энергетического комплекса, особенно нефтяную промышленность. Это выразилось прежде всего в ускоряющемся сокращении объемов добычи нефти начиная с 1989 г. При этом только на месторождениях Тюменской области — основного нефтедобывающего региона — добыча нефти снизилась с 394 млн. т в 1988 г. до 307 млн. т в 1991 г.

В первой половине 1992 г. условия и результаты работы отрасли продолжали ухудшаться, вследствие чего объем добычи нефти в России за год (включая конденсат) вряд ли превысит 380 млн. т.

Нынешнее состояние нефтяной промышленности России характеризуется:

- сокращением объемов прироста промышленных запасов нефти, снижением качества и темпов ввода;

- повышением степени обводненности и падением уровней среднесуточной добычи

нефти на основных разрабатываемых месторождениях;

- сокращением объемов разведочного и эксплуатационного бурения и увеличением количества бездействующих скважин, в том числе простаивающих из-за материально-технической и сервисной необеспеченности;

- повсеместным переходом на механизированный способ добычи при резком сокращении количества фонтанирующих скважин;

- отсутствием сколь-либо значительного резерва крупных месторождений, вследствие чего в промышленную разработку вовлекается значительное количество сравнительно небольших и низкопродуктивных месторождений;

- необходимостью вовлечения в промышленную эксплуатацию месторождений, расположенных в необустроенных и труднодоступных районах со сложными горно-геологическими и природно-климатическими условиями;

- резким увеличением удельных затрат на ввод новых мощностей, ростом себестоимости добываемой нефти, снижением эффективности капитальных вложений;

- прогрессирующим техническим и технологическим отставанием отрасли, запущенностью материально-технической базы, постоянными нарушениями дисциплины поставок со стороны других отраслей;

- недостаточным вниманием к вопросам социального развития территории и экологии.

Состояние газовой промышленности пока не столь тяжелое, как нефтяной, хотя и здесь имеются опасные симптомы. Впервые в истории газовой промышленности в 1991 г. практически не было роста добычи, что объясняется дефицитом капитальных вложений и малыми строительными заделами. Ожидается, что без принятия экстренных мер в газовой промышленности стагнация добычи газа в 1991 — 1992 гг. может смениться ее падением в 1993 г. на 10 — 12%.

В то же время предполагаемое сокращение производства электроэнергии на атомных электростанциях, экологические ограничения на сжигание угля и падение добычи последнего приведут к росту внутренней потребности в газе, особенно для производства электроэнергии (табл. 13).

Сложившееся серьезное положение в нефтяной и газовой промышленности требует своего решения в комплексе стабилизационных и оздоровительных мер, которые интенсивно разрабатываются.

Сейчас очень распространено мнение, что стабилизация и развитие отраслей ТЭК, и

Таблица 11

ЗАПАСЫ И ДОБЫЧА УГЛЕВОДОРОДОВ В СТРАНАХ СНГ (%) (1991 г.)

	Запасы нефти	Добыча нефти	Запасы газа	Добыча газа
РСФСР	87,0	92,0	85,0	76,3
Украина	0,7	0,7	2,1	4,2
Беларусь	0,3	0,3	—	—
Казахстан	8,5	3,7	3,3	0,9
Узбекистан	0,3	0,2	3,5	5,4
Таджикистан	0,02	0,04	0,02	0,03
Кыргызстан	0,06	0,03	0,02	0,02
Туркменистан	1,0	0,8	5,6	11,8
Азербайджан	1,9	2,2	0,3	1,2
Грузия	0,1	0,03	—	—
Литва	0,12	—	—	—

Таблица 12

ОБЪЕМ ПЕРЕРАБОТКИ НЕФТИ (1990 г.)

Республики	млн. т	Доля, %
СССР	460,3	100
Россия	298,8	64,9
Украина	58,9	12,8
Литва	12,0	2,6
Грузия	2,3	0,5
Азербайджан	18,9	4,1
Узбекистан	8,0	1,7
Туркмения	5,0	1,1
Казахстан	17,4	3,8
Белоруссия	38,9	8,5

Таблица 13

СТРУКТУРА ПОТРЕБЛЕНИЯ ГАЗА (1990 г.) млрд.куб.м

Республики	Всего потреб лено газа в 1990 г.	в том числе		
		промыш- ленность	электро- станции	коммунально- бытовые нужды
СССР	632,1	259,5	258,2	86,6
Россия	404,0	165,7	179,0	42,3
Латвия	2,9	1,0	1,0	0,3
Литва	5,8	1,8	3,3	0,5
Эстония	1,5	0,9	0,3	0,2
Беларусь	14,8	5,2	7,1	1,5
Украина	112,8	55,0	33,9	19,9
Молдова	3,9	0,8	2,2	0,7
Казахстан	13,7	7,4	4,3	1,4
Кыргызстан	2,1	0,8	1,0	0,2
Таджикистан	1,9	0,8	0,7	0,3
Туркмения	8,1	2,3	4,6	0,8
Узбекистан	34,2	10,8	13,8	8,0
Азербайджан	16,6	3,4	5,5	6,2
Армения	4,4	1,0	1,0	2,1
Грузия	5,4	2,4	0,5	2,2

прежде всего нефтяной и газовой промышленности, может быть средством общей экономической стабилизации и финансового оздоровления. Предлагается сконцентрировать производственные ресурсы и иностранные инвестиции на этих отраслях, значительно поднять цены на энергоносители (трактуется как приведение этих цен к мировому уровню) для прекращения падения производства и самоинвестирования отраслей ТЭК.

Сейчас разработана и активно обсуждается Концепция энергетической политики Российской Федерации в новых экономических условиях. В ходе обсуждения она претерпевает существенные изменения, и сейчас трудно сказать, какой она будет в окончательном виде. На наш взгляд, последнего и не требуется. Это должна быть Концепция, чутко реагирующая на изменение условий и возникающие тенденции и потому периодически пересматриваемая и соответствующим образом корректируемая.

Прежде всего в Концепции необходимо определить прошлую и настоящую роль ТЭК в экономике России. Несмотря на кажущуюся очевидность этого вопроса существуют две противоположные точки зрения. Одна из них, разделяемая прежде всего руководством комплекса и рядом ученых-энергетиков, состоит в том, что ранее этот крупнейший в мире и динамичный топливно-энергетический комплекс обеспечивал устойчивое развитие экономики. Сейчас он пришел в упадок из-за того, что рассматривался как обслуживающий экономику, инфраструктурный, а также в силу ряда других причин, из которых важнейшие следующие:

- длительное перенапряжение всех отраслей ТЭК, обусловленное стремлением бывшего руководства страны компенсировать падающую эффективность экономики и замедление научно-технического прогресса ростом использования дешевых энергоресурсов и их экспорта — без выделения необходимых капитальных вложений и материальных ресурсов;

- развал прежней системы управления без создания новой;

- ликвидация даже тех слабых экономических стимулов к труду, которые действовали в прежней системе.

Эта точка зрения предполагает приоритетную роль энергетики в народнохозяйственном комплексе, как фактора финансового оздоровления и экономического возрождения.

Другая точка зрения, разделяемая рядом экономистов, занимающихся вопросами структурной политики и народнохозяйственной сбалансированности, заключается в том, что энергетика была одной из ключевых отраслей, в которую шло большинство различных производственных ресурсов, причем темпы роста их потребления в энергетике существенно опережали такой рост в большинстве других отраслей, прежде всего второго подразделения.

Именно энергетика вместе с ВПК, метал-

лургией и тяжелым машиностроением определяли всю структуру экономики и характер ее функционирования. Именно из-за гипертрофии этих отраслей накапливались структурные перекосы, которые сейчас предстоит ликвидировать.

Необходимо привести российский ТЭК в соответствие с нашими возможностями и реальными потребностями. Экономика России обладает огромным неиспользованным в настоящее время потенциалом энергосбережения, составляющим около 450 млн. т топлива в условном исчислении. Иными словами, почти 40% всех израсходованных в стране в 1991 г. первичных энергетических ресурсов при умелом хозяйствовании можно было бы либо не производить, либо направить на экспорт.

Вызывает сомнение целесообразность и осуществимость использования энергетики в качестве оздоровителя и возродителя экономики.

Против осуществления такой идеи говорят следующие соображения:

- в России нет сейчас средств на строительство такого «локомотива» при параличе производства потребительских товаров. Первые средства должны прийти именно из этой более мобильной сферы, а не от сокращающегося экспорта энергоресурсов;

- потребление энергии в России на единицу произведенного ВВП даже сейчас значительно превышает этот показатель для промышленно развитых стран;

- топливодобывающая промышленность, особенно нефтяная, прошла пиковую форму и эффективность добычи топлива будет падать;

- односторонняя экспортная ориентация усугубляется, что делает Россию заложником ситуации на мировом рынке энергоресурсов;

- экологическая ситуация в отраслях ТЭК чрезвычайно острая;

- ни одной стране мира с большим населением, значительным внутренним потреблением и разрушенным потребительским рынком не удалось сделать энергетику отраслью, оздоравливающей экономику, хотя такие попытки были (Мексика), причем при более зрелых рыночных отношениях.

Скорее всего это не только непосильная, но и не нужная задача, учитывая избыточное потребление и большие потери. Представляется более разумным в переходный период поставить задачу управления спадом производства энергии до экономически целесообразного уровня с последующей стабилизацией, а возможно, и ростом. Этот процесс должен сопровождаться комплексом мероприятий, из которых важнейшие:

- структурная перестройка экономики со значительным увеличением доли второго подразделения, которая может привести к значительному сокращению потребления энергии при росте конечного потребления населением товаров и услуг;

- приватизация, а в случае невозможности закрытие или консервация наиболее убы-

точных объектов ТЭК;

— налоговая и ценовая политика, направленная на сокращение промежуточного нетоварного производства;

— привлечение иностранных инвестиций прежде всего в сферы ныне расточительного потребления энергии и наибольших потерь, с их последующей компенсацией частично сэкономленными энергоресурсами.

Первостепенной задачей является приведение в соответствие спада производства со снижением энергопотребления. Такое нормальное в принципе явление, как повышение энергопотребления в коммунально-бытовом секторе и сельском хозяйстве, в ближайшие годы должно быть компенсировано энергосбережением. Делать это необходимо как путем ценообразования, так и расширением предложения энергосберегающих материалов, оборудования, альтернативных технологий.

Необходимо осуществить ряд крупных проектов по замене наиболее энергорасточительного оборудования и технологий на оптимальные по стоимости и сберегающему эффекту зарубежные на основе кредита с последующим погашением сэкономленной энергией. Главными критериями выбора таких проектов должны быть сберегающий эффект и скорость реализации.

Меры по снижению энергопотребления как для внутренних, так и для зарубежных инвесторов должны иметь приоритет до тех пор, пока они по экономической эффективности и скорости получения результата будут превосходить меры по производству энергии или даже быть равны им. Реализация следующего этапа энергосбережения, связанная с внедрением технологий, энергосберегающий эффект которых не столь очевиден или связан с длительными сроками осуществления, должна происходить в сопоставлении затрат и результатов на производство и сбережение энергии.

И только после приведения удельной величины и структуры потребления энергии более или менее близко к среднемировым стандартам можно разрабатывать долгосрочную программу производства энергии. К этому времени могут стабилизироваться и наши экспортные потребности, что позволит определить оптимальный уровень производства при упорядоченном в значительной степени уровне потребления.

Особенно важной и требующей концентрации всех усилий стадией новой энергетической политики является современная, происходящая в обстановке кризисного развития. Очень заманчиво в условиях падающего производства и растущей нехватки энергоресурсов «выбить» из государства солидные ассигнования, которые в условиях структурно перестроенной экономики и энергетики пойдут на латание дыр. Необходимо избежать этого соблазна, к которому все больше склоняется руководство России, и сосредоточить усилия на решении двух следующих задач:

1) восстановить и привести в действие на

полную мощность весь имеющийся производственный потенциал отраслей ТЭК, который в складывающихся экономических условиях может эффективно функционировать. Та часть существующего потенциала, эффективность функционирования которого отрицательна или сомнительна, должна быть представлена на продажу или приватизацию иными путями, а в случае невозможности — ликвидирована;

2) сломать тенденцию отставания снижения энергоемкости по отношению к падению объемов производства и сделать устойчивой тенденцию опережающего роста эффективности использования энергии.

Решение этих двух задач должно быть обеспечено всеми возможными преимуществами для отечественных и зарубежных инвестиций, включая государственное инвестирование ключевых проектов. Остальные производственные задачи ТЭК в этот период решаются по остаточному принципу или на полную ответственность российских и зарубежных корпораций и компаний и других инвесторов. Их риск может быть смягчен некоторым ослаблением налогового давления.

Для отраслей ТЭК такая политика в определенной степени напоминает шоковую терапию. Если можно (а пока опыт показывает, что можно) проводить шоковую терапию на населении России, то почему нельзя это делать на отраслях, накопивших многие болезни и пороки и не оправдавших надежд. Конечно, при проведении этой политики необходимы меры социальной защиты в сфере бытового потребления энергии.

Что касается либерализации цен на энергию, то этот вопрос требует специальной комплексной проработки. По крайней мере, моментальное или очень быстрое приведение цен на уровень мировых не является само по себе значимой социальной целью даже для добывающих отраслей, поскольку прирост дохода от высоких цен на энергоресурсы может быть полностью «съеден» встречным ростом цен на другую продукцию. В условиях падения производства, инфляции и платежного кризиса единовременный подъем цен на энергоносители до абсолютного мирового уровня может вызвать катастрофические последствия. К тому же он не обоснован, так как потребительная ценность энергии у нас существенно ниже, чем на Западе. Это очень важный вопрос, требующий не только прямых экономических расчетов, но и учета результатов ранее осуществленных мероприятий по макроэкономической стабилизации. Среди них наиболее важными являются резкий подъем цен в смежных с энергетикой отраслях, падение производства, нарушение хозяйственных связей и отсутствие изменения ценовых пропорций. Последнее является важнейшим с точки зрения перехода к мировым ценам, поскольку именно пропорции цен на различные группы товаров являются свидетельством приближения к мировому ценообразованию, а не сами

абсолютные значения цен, которые у нас больше зависят от рыночного курса валют, чем от существа дела.

Необходимо посмотреть на либерализацию цен на энергоресурсы с точки зрения ее влияния на указанные последствия макроэкономической стабилизации. Пока главным аргументом для либерализации является своеобразный «реваншизм» по отношению к смежным отраслям, без серьезного рассуждения того, как себя поведут последние в случае либерализации и как эта мера отразится на общей неустойчивости падающего производства. Учитывая сложность и неразработанность анализа ситуации представляется, что для осуществления либерализации необходимо, по крайней мере, два шага. Первый, связанный с подъемом цен на энергоносители до уровня, обеспечивающего самофинансирование, частично уже сделан (осталось пересмотреть налоги и рентные платежи). После этого должна быть внедрена достаточно длительная пауза, во время которой будут тщательно изучаться все новые тенденции. Лишь на основе такого изучения может быть принято решение о втором шаге. В случае благоприятного развития всех тенденций второй шаг должен быть окончательным во избежание инфляционных и социальных встрясок, характеризующих любое значительное повышение цен.

Требуется более определенная позиция в отношении приоритетности инвестиций, поскольку повсеместно наблюдается их дефицит. За критерии приоритетов следует принять экономическую эффективность, скорость реализации, структурные и долгосрочные эффекты. При этом для определения приоритетов должны сравниваться направления инвестирования не в пределах отдельных секторов и отраслей, а в целом по всей экономике. Например, следует сравнить между собой затраты и результаты на производство различных видов энергоносителей, на нефтепереработку, нефтяное машиностроение, энергосбережение в различных сферах, импортозамещение. Особенно следует выделить энергосберегающие мероприятия, связанные со структурными преобразованиями, поскольку их реализация не требует значительных инвестиций и дает быстрый эффект. С точки зрения долгосрочных последствий особое внимания заслуживает импортозамещающие мероприятия (борьба с потерями сельскохозяйственной продукции, повышение продуктивности аграрного комплекса, развитие отечественной фармакологии, легкой промышленности и т.д.). При всей важности экспорта энергоресурсов его следует минимизировать в каждый период, поскольку наши топливдобывающие отрасли находятся на такой стадии развития, когда необходимо уменьшать напряженность их работы, что позволит иметь более длительное эффективное энергообеспечение в будущем. С этой точки зрения представляется сомнительным ориентировать отрасли ТЭК в качестве основного поставщика валюты на длительный

срок.

Представляется важным предусмотреть в законодательном порядке компенсацию иностранных кредитов на мероприятия, ведущие к снижению внутреннего потребления или замещению импорта из экспортной выручки государства, регионов или предприятий от реализации энергоресурсов в зависимости от характера мероприятий по определенным нормативам, обусловленным условиями кредита и размерами эффекта и исчисляемым как часть высвобожденной для экспорта дополнительной энергии или сбереженной для других целей экспортной выручки.

Остаются практически не разработанными в отношении российского ТЭК вопросы собственности и управления. Здесь, как, может быть, нигде, сильны предрассудки предшествующего периода в отношении неограниченного разнообразия форм собственности и независимости предприятий.

Концептуально важным представляется решить вопрос о степени интеграции нефтегазового комплекса России в общемировые структуры (МСН). Мы имеем сейчас ТЭК, ориентированный на автаркическое развитие, и от того, каким будет его развитие далее, зависит глубина реформирования.

История после 1917 г. распорядилась таким образом, что нынешнее место России в структуре МСН оказалось предопределенным уникальным сочетанием внутренних и внешних политических факторов в развитии СССР. Если глобальный энергетический кризис 70-х годов явился в конечном счете главным катализатором структурных экономических перемен (энергосбережение, альтернативные источники, экологизация, НТП) в странах ОЭСР, то для СССР и России итог этого периода оказался обратным. Благодаря экспорту нефти прежней системе удалось свести до нуля начавшиеся реформы 60-х годов. К настоящему моменту нефтяной комплекс России, несмотря на свои внушительные масштабы и глобальное значение (примерно 16,5% производства всей мировой нефти), является фрагментом МСН, недостаточно адекватным этим масштабам. Можно даже говорить о наличии существенной степени изоляции нефтяного комплекса России от функционирования мировой системы нефтеобеспечения. Отраслевая монополия на добычу, административная монополия на экспорт нефти и импорт оборудования и технологий привели к тому, что нефтяной комплекс страны оказался лишенным тех стимулов технологического и ресурсосберегающего прогресса, которые определяли модернизацию в остальной части мировой системы нефтеобеспечения. Эта искусственная, сложившаяся в течение многих десятилетий изолированность от мировой практики нефтяного бизнеса обусловила то, что нефтяной комплекс России, обеспечивая себе прибыли в одной фазе развития нефтяного рынка (фазе роста цен), оказывается при существенных потерях в другой (фазе снижения цен).

В то же время относительно стран базирования главных нефтяных компаний можно утверждать, что одни сферы экономики выигрывают в одной фазе, другие — в другой, но нет оснований утверждать, что в той или иной из этих фаз хотя бы одна из этих стран ОЭСР в целом оказалась бы в чистом экономическом проигрыше от своего участия в МСН, даже экспортируя при этом большие объемы нефти. Более того, главные нефтяные компании за счет переноса акцента в своих операциях по вертикали и по горизонтали в структуре своих нефтяных индустрий, а также за счет диверсификации сфер инвестирования, научного и технологического прогресса, совершенствования организации и управления имеют прибыли в любых фазах движения цен на нефть, предвидят эти движения, подготавливают их и готовятся к ним сами.

Становится все более очевидным, что Россия стоит перед срочной необходимостью коренного пересмотра и активизации своей деятельности в сфере мирового нефтеобеспечения.

На данном этапе этот процесс существенно ограничен стремлением сохранить в отрасли ведомственную монопольную структуру управления, консервативными представлениями о формах собственности и использования природных ресурсов, отсталой психологией хозяйствования, которые сохраняются пока на всех уровнях нефтяного производства, а также неконвертируемостью рубля. Сложившаяся практика в основном сводится к созданию совместных предприятий, в которых участие иностранных компаний практически ограничено поставками оборудования и ноу-хау, а участие в прибылях — реализацией продукции в счет компенсации расходов за предоставление капитала. Реальным владельцем большинства таких компаний остается государство в лице конкретного ведомства.

Предоставление иностранным и совместным компаниям концессий на комплексную разработку нефтегазовых месторождений не регламентируется еще в должной мере отставшим от мировой практики законодательством о недрах и концессиях.

Многие эксперты и практики в поиске структур, которые решали бы задачу постепенной интеграции ТЭК страны в соответствующие глобальные структуры, приходят к выводу о целесообразности создания в России и СНГ оптимального (нынешним условиям) числа вертикально интегрированных нефтяных корпораций, включающих все необходимые стадии воспроизводственного цикла, от разведки месторождений и добычи сырья до реализации нефтепродуктов внутри и вне СНГ. Главные критерии формирования поисковых структур в этой сфере должны быть таковы: разумная экономическая выгода сейчас и широкие возможности масштабной интернационализации сфер прибыльной деловой активности в долгосрочном будущем.

Форма и структура собственности для та-

ких компаний должна быть предусмотрена таким образом, чтобы статус наибольшего благоприятствования предоставлялся таким заинтересованным иностранным инвесторам (то есть тем ТНК), которые будут готовы предоставить свои технологии, ноу-хау, допуск к транснациональным структурам и рынкам, свой опыт диверсификации и интернационализации нефтяного бизнеса. Предоставление концессий этим компаниям со стороны центральных и местных властей должен предусматривать обязательный учет интересов тех регионов, на территории которых распространяется сфера деятельности этих компаний.

С другой стороны, в долгосрочном будущем ко времени вероятного истощения экономически целесообразных ресурсов собственной нефти эти компании явились бы готовыми транснациональными структурами для обслуживания страны зарубежными поставщиками нефтепродуктов.

Не следует, однако, излишне идеализировать возможности быстрого прогресса в этом направлении, поскольку весьма сложно инициировать реальный процесс образования таких компаний в стране без радикализации экономической реформы. Хотя, с другой стороны, важно вовремя очертить реалистичные контуры той цели, к которой следует стремиться. Причем в этом процессе необходимо стимулировать любые созидательные импульсы и инициативы, исходящие от участников нефтяного бизнеса.

Особенно важно стимулировать такие направления интеграции, которые позволяют обеспечить дополнительный (сверх предусмотренного традиционными технологиями нефтяной промышленности) прирост добычи при тех же добывающих мощностях, который и может составлять значительную часть доли местного участия в подобных структурах.

Другое направление, по которому следует приближаться к обозначенной цели, — это структурная перестройка в стране внутренней сферы нефтеобеспечения таким образом, чтобы вертикально интегрированные конкурирующие фирмы контролировали весь цикл от нефтедобычи до бензиновых колонок. Ведь только в этих условиях можно надеяться на ускорение процессов внедрения передовых технологий и экономии сырья во всех звеньях процесса производства нефтепродуктов. Изображений общесистемного порядка эти предприятия следует создавать не столько в традиционных рамках уже сложившихся топливно-энергетических и нефтехимических комплексов, а в качестве их конкурентов. При более высоком техническом уровне эксплуатации месторождений и переработки нефти эти предприятия смогут постепенно расширять масштабы своей деятельности, улучшая экономические показатели нефтеобеспечения и благотворно влияя на общий предпринимательский климат в стране.

Однако можно предположить, что прогресс в этом направлении будет достаточно дли-

тельным и трудным. Он будет зависеть от успеха в поиске соответствующих организационных структур, форм собственности, начальных путей выхода в транснациональные структуры и накопления собственного опыта международного бизнеса в этих структурах. Но в то же время другие альтернативы развития в этой сфере не смогут привести к более быстрым стабилизирующим структурным сдвигам.

Относительно тенденций формирования нефтегазовых корпораций нового типа следует отметить, что в настоящий момент российские управленческие, производственные и предпринимательско-коммерческие структуры практически готовы к созданию вертикально интегрированных компаний со смешанной собственностью. Известен проект президента корпорации «Роснефтегаз» Л. Чурилова о создании независимых нефтяных компаний с различными формами собственности на базе существующих трестов и объединений по западному образцу, включая в их структуру весь комплекс — от разведки до реализации продуктов. Корпорация создана в октябре 1991 г. вместо бывшего Миннефтегазпрома. Ее учредили 47 производственных нефтедобывающих объединений России, на долю которых приходится 90% добываемой в СНГ нефти.

Предполагается, что таких компаний будет сформировано (в основном по региональному признаку) порядка 10 — 15. Согласно проекту, выбор форм собственности новых компаний будет определяться их трудовыми коллективами по согласованию с Роснефтегазом. Наиболее реальным считается вариант смешанной собственности с сохранением государственного контроля. При этом варианте 51% акций останется в собственности государства, а 49% перейдут в собственность персонала компаний. Для помощи в реформировании отрасли корпорация «Роснефтегаз» привлекла в качестве финансовых советников инвестиционные банки «Bankers Trust Company» и «Diva Europe».

В то же время, по оценкам экспертов, в отрасли наблюдается и существенно иная тенденция: предприятия нефтегазового комплекса вместе с различными коммерческими структурами учреждают независимые нефтяные компании с преобладанием частного коммерческого капитала. Причем впоследствии эти компании предполагают выкупить учредившие их госпредприятия, предоставив значительную долю акций их руководителям. В число учредителей включаются и местные власти, которые настойчиво заявляют о своих правах на недра.

Конкретную типичную схему такого акционирования предлагает президент фирмы «Гермес» В. Неверов. Государственное предприятие нефтяного комплекса имеет основные фонды балансовой стоимостью 100 млн. руб. Как и многие другие, оно находится в трудном положении: нет средств для модернизации. Образуется акционерное общество с уставным капиталом 200 млн. руб. Предприятие

вносит свои основные фонды и получает 50% акций. Таким образом, наполовину собственность АО и будущие доходы принадлежат государству в лице государственного Предприятия. Еще 100 млн. руб. АО получает благодаря подписке на акции. У Предприятия появляется достаточно свободных денег.

Но в действительности для эффективной работы необходим единый финансовый контроль по всей технологической цепочке, поэтому схема акционирования усложняется. Наряду с Предприятием (допустим, оно занято нефтепереработкой) аналогичные трудности испытывают нефтедобытчики, транспортники, производители нефтепромыслового оборудования. Поэтому несколько предприятий по всей технологической цепочке, вплоть до бензоколонк, объединяются в одно АО, допустим, с уставным капиталом в 1 млрд. руб. К ним присоединяются крупные коммерческие фирмы. Предприятия вносят на 600 — 700 млн. руб. основные фонды, обеспечивающие добычу нефти, ее переработку, доведение до конечного потребителя.

Все предприятия переходят под единый финансовый контроль. Государству принадлежит 60 — 70% акций и право решающего голоса. Остальные акции расходятся по двум направлениям. Примерно 5 — 10% продается по номиналу либо просто распределяется между всеми работающими на предприятиях АО, что сразу изменит мотивационный механизм работников. Рыночная стоимость акций и дивиденды теперь зависят от эффективности работы компании. Еще 20 — 30% акций свободно продается по рыночной цене, в том числе и иностранным фирмам, по курсу доллара примерно 1:10, что отражает, по мнению Неверова, конкретную, реальную покупательскую способность валют.

Важно подчеркнуть, что подобные АО не выживают долго в рыночной среде, если их образуют только государственные предприятия. Не только среди акционеров, но и среди учредителей должны быть достаточно весомо представлены коммерческие структуры.

Пожалуй, первой из подобных интегрированных компаний, не нарисованных на бумаге, а созданных в реальности, является компания «Лукойл». Она включает в себя три нефтедобывающих объединения из Западной Сибири, нефтеперерабатывающий комплекс, расположенный в Литве, и нефтеэкспортирующую фирму «Урал». Важным свидетельством наличия вертикальных и горизонтальных интеграционных тенденций является также образование в феврале 1992 г. в Тюмени нового Союза нефтепромышленников, который объединил 56 предприятий нефтяного комплекса СНГ.

Еще одним важным направлением интеграции нефтяного комплекса России и СНГ в общемировые структуры является создание прежде всего на европейском континенте единого энергетического рынка, все части которого регулируются нормами, согласованными

странами-участницами. Это предполагает перевод на рыночные принципы хозяйствования энергетики, что позволит радикально ускорить переход всей российской экономики к рынку.

Перевод же самой энергетики на рыночную основу существенно облегчается, во-первых, за счет широкого привлечения иностранных капиталов, в том числе в виде оборудования и технологий; во-вторых, в результате использования громадного опыта правового, организационного и технического характера, накопленного странами ЕС и передаваемого России; в-третьих, из-за значительной степени однородности основных видов продукции энергетического сектора.

Внедрение в энергетике новейших ресурсосберегающих технологий позволит в ускоренные сроки повысить самообеспечение России сырьем и переработанными энергопродуктами, а также увеличить прежде всего за счет повышения эффективности их производства и распределения экспортную базу.

По существу вхождение России в единый энергетический рынок означало бы создание в лице энергетического комплекса свободной экономической зоны громадного масштаба. При этом можно предположить проявление такого важного последствия, как эффект мультипликатора, означающий передачу импульсов от энергетического комплекса в смежные отрасли, от них — в смежные с ними и т.д.

Ускоренный перевод на рыночные принципы хозяйствования энергетики позволяет решать в более короткие сроки социально-политические проблемы отрасли, что имеет ключевое значение для внутривнутриполитической ситуации России.

Включение энергетического комплекса

России в общеевропейское экономическое пространство способствовало бы разрешению многих конфликтов, возникающих в результате распада СССР, а также процесса «суверинизации» административно-территориальных образований внутри РФ. Более того, реально повышаются возможности создания общеевропейских структур, в том числе коллективной системы безопасности, одной из важнейших составных частей которой является энергетическая безопасность.

Создание такого энергетического пространства повышает гарантии ЕС в стабильном энергоснабжении. Это, как показали нефтяные шоки 70 — 80-х годов, а также недавний конфликт в Персидском заливе, весьма важный фактор в экономическом развитии, в углублении экономической интеграции. Включение России в европейскую экономику через энергетику — наиболее быстрый, а на обозримую перспективу, возможно, и единственный путь качественного углубления экономического сотрудничества в Европе. В свою очередь, стабилизация экономического положения в России и в странах СНГ означает стабилизацию социально-политической жизни, что для ЕС является важным внешним фактором динамического развития Сообщества.

Повышение экономического взаимодействия ЕС с Россией до уровня, адекватного экономическому и научно-техническому потенциалу РФ, дало бы экономике Сообщества значительный эффект, сравнимый с эффектом от создания единого рынка.

Причем повышение экономической взаимозависимости ЕС от России означает последовательное сокращение и в перспективе полное исчезновение даже возможностей стратегического противостояния на европейском континенте.